

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

DOI: 10.14515/monitoring.2016.6.12

Правильная ссылка на статью:

Тарусин М. А. Борис Грушин и Владимир Ядов. Двойной портрет // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 6. С. 217—228. Рец. на кн.: Докторов Б. З. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014; Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. М.: ВЦИОМ, 2016.

For citation:

Tarusin M. A. Boris Grushin and Vladimir Yadov. Double portrait. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 6. P. 217—228. Book review: Doktorov B. Z. We all come from “Grushin’s overcoat”. On the 85th anniversary of B. A. Grushin. Moscow: Raduga, 2014; Doktorov B. Z. World of Vladimir Yadov. Yadov about himself and his friends about him. Moscow: VCIOM, 2016.

М. А. Тарусин

БОРИС ГРУШИН И ВЛАДИМИР ЯДОВ. ДВОЙНОЙ ПОРТРЕТ

Рецензия на книги:

Докторов Б. З. Все мы вышли из «Грушинской шинели».

К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М.: Радуга, 2014.

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова.

В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. М.: ВЦИОМ, 2016

M. A. Tarusin

BORIS GRUSHIN AND VLADIMIR YADOV. DOUBLE PORTRAIT

Book review:

Doktorov B. Z. We all come from “Grushin’s overcoat”.

On the 85th anniversary of B. A. Grushin. Moscow: Raduga, 2014.

Doktorov B. Z. World of Vladimir Yadov. Yadov about himself and his friends about him.

Moscow: VCIOM, 2016

Человек идеалов и идей

Б. З. Докторов о Б. А. Грушине

Советская социология начинается с буквы «Я»

Б. З. Докторов со ссылкой на проф. Е. С. Кузьмина

О некоторых ушедших писать сложно. Они широко известны в профессиональных кругах, их достижения значимы и очевидны не только для отечественных специалистов, но и для зарубежных. Как писать о таких людях? Привести в их адрес множество возвышенных, добрых слов, которых зачастую они недополучали при жизни? Перечислить их достижения, которые были очевидны полвека назад, но не всеми оценены сегодня, или описать их общий вклад в дело, которому они посвятили жизнь?

Именно с такой сложной задачей столкнулся Б. З. Докторов, когда начал писать о судьбах советских/российских социологов, среди которых одними из первых и наиболее значимых следует считать Б. А. Грушина и В. А. Ядова.

Б. З. Докторов, на мой взгляд, принял единственно верное решение — он ввел читателя в атмосферу эпох, в которых Грушин и Ядов — часть сложной и насыщенной жизни: «весенние»

1960-е, застой 1970-х, период «смерти генсеков» первой половины 1980-х, перестройка, «лихие» 1990-е и обнадеживающее начало XXI века.

Б. А. Грушин и В. А. Ядов — из знаменитого поколения «шестидесятников», явные продукты «оттепели». Они научно «взросли» в ее недолгом благоприятном климате: первый — в Москве, второй — в Ленинграде, и как люди цельные и неординарные не смогли дышать иным воздухом полной грудью. Примечательно, что Грушин не смог научиться дышать «воздухом свободы» даже под конец жизни. [Докторов, 2014: 6], ссылаясь на слова И. С. Кона о Б. А. Грушине, пишет: «Его смелость была не только гражданской, но и интеллектуальной. В 1990-е годы, когда люди стали делать карьеру и деньги на политическом пиаре, «объясняя» и «прогнозируя» всё что угодно, Борис публично заявил и много раз повторял, что не понимает того, что происходит в России. Несмотря на безоговорочную преданность демократическим ценностям, научная достоверность была для него важнее политкорректности».

Иными словами, Б. А. Грушин был предельно честен перед собой, перед наукой и перед людьми, и эта честность дорогого стоит. Мы и сегодня, по прошествии четверти века, не до конца понимаем, что происходило в то время, «большое видится на расстоянии».

Свои впечатления от общения с Грушиным Докторов описывает следующим образом: «Беседы с ним позволяют мне говорить о том, что в начале 1960-х он не был знаком с научными технологиями изучения общественного мнения, которые использовались тогда в США и Европе. Отчасти это имело позитивные следствия. Принимая во внимание максимализм и «перфекционизм» Грушина, можно предположить, что его знакомство с особенностями современных для того времени методов изучения общественного мнения заставило бы его стремиться к их использованию. Такое решение отодвинуло бы начало проведения опросов на годы» [Докторов, 2014: 15].

Иными словами, в начале своего пути Грушин не был «корифеем» в методике. Что не помешало (а, по мнению Докторова, отчасти помогло) ему реализовать ряд выдающихся проектов. Когда-то Эйнштейн говорил: «Все знают, что это невозможно. Но вот приходит невежда, которому это неизвестно — он-то и делает открытие». В СССР все знали, что проводить социологические исследования нельзя. Пришел Грушин, который этого не знал, и стал проводить. Он не знал ни о запрете на исследования, ни о том, как они проводятся. Поэтому стал успешным первопроходцем.

Об этом Докторов пишет: «Отталкиваясь от собственного небольшого опыта, могу сказать, что анализ сделанного первопроходцами нашей науки — это крайне сложный тип исследований, проведение которых предполагает выработку синтетической методологии, создание и поддержание архивов биографической информации, уточнение нашим сообществом определённых нравственных критериев. Всё это произойдет лишь в том случае, если нами будет осознана потреб-

ность в осмыслении прошлого, если будет преодолено безразличие к нашему недалекому и дальнему былому. Если мы задумаемся не только о том, что было сделано, но и о том, в каких обстоятельствах всё делалось; почему сделано так, а не иначе. Если мы признаем учёного главной фигурой в науке, производстве знаний и сочтём важным сохранить в истории его имя» [Докторов, 2014: 13].

Ядов в этом смысле отличался: «Под руководством Ядова было защищено свыше 60 кандидатских диссертации; десятки ученых, выбирая темы и разрабатывая свои докторские исследования, консультировались с ним. Многие ученики всех возрастов помнят лекции Ядова, семинары, на которых он выступал, помнят вопросы, которые он им задавал и свои ответы ему. Книга «Человек и его работа» [Человек и..., 1967], написанная им совместно с А. Г. Здравомысловым, продемонстрировала новый подход к познанию общества, на долгие годы стала гидом в социологию и породила в стране разветвленную систему изучения отношения к труду разных слоев населения. Книга по методологии и технике социологических исследований [Ядов, 1972] на протяжении многих лет была единственным учебником, по которому язык науки осваивали все поколения советских и постсоветских социологов. Диспозиционная теория личности — любимое Ядовское чадо — многим помогла осознать, насколько сложен, многомерен мир личности. Во-многом под влиянием Ядова произошел «мирный переход» от советской социологии к постсоветской, имеется в виду его полипарадигмальный подход. На Западе советскую, российскую социологию в значительной степени олицетворяет собой Ядов» [Докторов, 2016: 5].

Таким образом, Грушин был первопроходцем в методологии и практике изучения общественного мнения, а Ядов — в теории, методологии и технике социологических исследований в широком предметно-объектном поле. «Ядов — социолог и социальный психолог, аналитик, годами погруженный в разработку сложных теоретико-методологических проблем, и организатор науки. Он стоял во главе первой в СССР социологической лаборатории при Ленинградском государственном университете и был директором головного Института социологии РАН в сложные перестроечные и постперестроечные годы. Ядов заслуженно признается одним из создателей «Ленинградской социологической школы», а наши эстонские коллеги связывают с его именем становление современной эстонской социологии. Ядов — не только автор многих книг и статей, но и соавтор ряда известных коллективных трудов. Несколько лет он был редактором «Социологического журнала» и состоял в редакционных советах ведущих отечественных и зарубежных изданий» [Докторов, 2016: 5].

Докторов считает Ядова вдохновителем многих научных начинаний. Даже свой многолетний проект анализа отечественной социологии называет «ядовским», поскольку именно в нем видит человека, давшего первый импульс этой работе.

Характерной для Ядова является приведенная цитата из его письма: «К тому же я знаю, что по типу характера — экстраверт, выскочка, не могу удержаться от реплики оратору, иногда не вполне уместной в данной обстановке. Нахожу самооправдание в схожести подобного поведения с Борисом Грушиным, которого любил как брата родного» [Докторов, 2016: 7].

В другом письме Ядов говорит об итогах своей жизни: «О чем жалею? Жалею лишь о том, что не поспел на фронт». И немного ниже: «Вероятно, за истекшие годы

обидел многих, но, поверьте, без злого умысла» [Докторов, 2016: 17]. По этим же итогам Ядов называет свою жизнь счастливой. Это дает основание Докторову считать, что «мир Ядова» — это оптимистическое пространство [Докторов, 2016: 17].

В работе о Грушине автор рассуждает еще и о понятиях судьбы, биографии, о следах, оставляемых людьми в истории. Судьбу при этом Докторов рассматривает как понятие историческое, способное выходить далеко за пределы жизни человека: «В целом же соотношение биографии и судьбы оказывается непростым и многоаспектным. В истории цивилизации сохранилось множество имён людей, проживших тихо, незаметно, несчастливо, имевших внешне невыразительную биографию, но, благодаря сделанному ими, приобретших долгую и яркую судьбу. И существует, возможно, много большее число людей, чьи биографии выглядели или действительно были блестящими, счастливыми, но их судьбы оказались короткими» [Докторов, 2014: 20].

Здесь же происходит отвлечение от темы «Грушинской шинели»: внимание читателя фокусируется на пяти периодах изучения общественного мнения в России. Внешне это может выглядеть не вполне оправданно. Но, во-первых, тема жизни Грушина неразрывно связана с историей становления отечественной социологии, в этом отношении ретроспективный взгляд вполне уместен. Во-вторых, неподготовленному читателю такое отступление поможет полнее представить картину социологического мира. В-третьих, не всем социологам эта периодизация очевидна и знакома. Однако, на мой взгляд, периодизация выглядит не законченной и явно заслуживает отдельного и пристального рассмотрения.

Для полноты понимания приведу эти пять периодов изучения общественного мнения в дореволюционной России, СССР и новой России:

- Период первый: XIX в. — предреволюционные годы.
- Период второй: революционные годы, включая Гражданскую войну, — середина 1930-х годов.
- Период третий: вторая половина 1930-х — рубеж 1950-х — 1960-х годов.
- Период четвёртый: начало 1960-х — конец 1980-х годов.
- Период пятый: конец 1980-х гг. — настоящее время.

О четвертом периоде Докторов пишет: «Границы этого периода фактически совпадают со временем первого опроса Грушина и созданием ВЦИОМ, в определяющей степени, — его детища. В социально-политическом отношении начало этого периода приходится на хрущёвскую «оттепель», его большая часть протекала в эпоху застоя и (около пяти лет) наиболее яркие годы перестройки. В историко-научно-ведческом плане этот временной интервал исследований общественного мнения справедливо называть «Грушинским» [Докторов, 2014: 29].

Могу допустить, что для историков советской/российской социологии, в частности, исследований общественного мнения, этот период является и долго будет наиболее интересным. Его уникальность — в определенном балансе политических и научных сил, заинтересованных и препятствовавших получению научных знаний о массовом сознании. Причём, конфликт не всегда разворачивался между политиками и социологами. Среди партийных «иерархов» были те, кто в целом поддерживал проведение опросов, например, директора крупных предприятий, которые активно содействовали социологам в изучении мнений в возглавляемых ими

многотысячных трудовых коллективах. Но были и те, кто даже слышать не хотел о допуске исследователей в «их» регионы и на «их» предприятия. Аналогичной была ситуация в науке: одни социологи считали необходимым изучение общественного мнения, другие — видели в опросах лишь стремление к «заигрыванию» с Западом и к использованию «под зонтиком партии буржуазных методов».

Рассмотрение пятого периода Докторов начинается так: «Два общего плана обстоятельства характеризуют последние 20—25 лет изучения общественного мнения в России. Во-первых, рассматриваемый период стал развитием предыдущего, прежде всего, в нём видна кадровая преемственность. Во-вторых, новый период, возникший в условиях гласности и становления свободного рынка, исторически, генетически был «обречён» на то, чтобы качественно отличаться от предыдущего» [Докторов, 2014: 33].

В 1987—1988 годах был создан ВЦИОМ, организацию возглавили Т. И. Заславская и Б. А. Грушин и вскоре они пригласили Ю. А. Леваду с сильной группой аналитиков. Всё это интерпретировалось в стране и на Западе как знак заинтересованности М. С. Горбачева в регулярной информации об отношении населения к проходившим в СССР политическим и экономическим реформам. ВЦИОМ сыграл роль «материнского роя». В начале 90-х годов большинство его региональных отделений оформились как самостоятельные организации. Из ВЦИОМ вышли и стали успешно функционировать Фонд «Общественное мнение», КОМКОН, структура, называемая в настоящее время группой компаний «TNS Россия». В 2003 году во ВЦИОМ пришла новая команда, а старый коллектив в полном составе создал «Левада-Центр».

Докторов назвал Грушина и целую главу своей книги: «Человек идеалов и идей». Мне это показалось настолько верным, что я поставил эти слова эпиграфом к данной рецензии. Докторов пишет: «На мой взгляд, Грушин не был ни «красным», ни «белым»; ни левым, ни правым; ни либералом, ни консерватором; ни русофилом, ни западником; ни пессимистом, ни оптимистом. Он старался быть совершенно свободным, у него была своя цель в жизни и своя дорога. Его студенческому другу Мерабу Мамардашвили принадлежат слова: «Мы не участвовали в чужих войнах, мы вели свои». И Грушин говорил: «Мы действительно никогда не включались ни в какие политические сюжеты — даже если речь шла о Сахарове или об «уходе в диссиденты». Когда ему предлагали это, он отвечал, что у него «есть работа на собственном поле» [Докторов, 2014: 47].

На мой взгляд, в тех условиях совсем не иметь собственного политического мнения было невозможно. По крайней мере, мыслящему человеку. Докторов описывает ситуацию с Грушиным следующим образом: «Это не означает, что Грушин не имел своей позиции по острейшим политическим событиям и был безразличен к тому, что происходило внутри социологического сообщества. Легендарным, обросшим многими мифами стало его участие в конце 1960-х годов в совещании Академии общественных наук при ЦК КПСС, на котором резкой критике, проще — «разносу», была подвергнута книга Левады по методологии социологических исследований. Обвинения носили идеологический характер. На обсуждении выступил Грушин, он поддержал Леваду и сказал: «Время покажет, кто стоял на пути развития социальной науки, а кто лежал, причём не вдоль, а поперек». И добавил в адрес сидевших

в президиуме: «Мёртвые хватают живых» [Грушин, 1999: 214]. Вскоре появилось мнение: «Грушин хуже Левады»; эти слова принадлежат Ф. В. Константинову, философу-академику и крупному партийному функционеру» [Грушин, 1999: 214]. Мне кажется, что такой пример не вполне уместен. Он говорит о Грушине скорее как об умном и порядочном человеке, который честно встал на защиту другого умного и порядочного человека. Иначе говоря, это пример честности, смелости и принципиальности, а не ярко выраженной политической позиции.

Поясню: жившим в то время (а автор рецензии из их числа) хорошо помнится, какой примитивной и злобной порой была критика любой свежей и неординарной мысли. Даже если она и не носила прямой идеологической угрозы советскому строю. Советским партийным деятелям смелая мысль казалась угрозой уже самой своей смелостью. И это было невыносимо для нормального и трезвомыслящего человека. Приведенный пример показателен именно тем, что ярко описывает атмосферу эпохи. Атмосферу лжи, не дававшей дышать, работать, творить. Ложь лезла отовсюду — со стен домов с плакатами вождей, со страниц газет, заполненных партийными речами, с экранов телевизоров. Претило даже не количество лжи, а то, что все всё понимали. Мы знали, что они врут, они знали что врут, они знали, что мы знаем, что они врут. Атмосфера становилась невыносимой из-за своей абсурдности.

Что же касается Грушина, то его заслуга и в том, что он позволял себе выступать против этой лжи. И тут Докторов прав, это черта истинно свободного человека. Свободного в проявлении своей совести. У Грушина это сочеталось еще и с совестью научной, что и составляло основу его цельной и глубокой натуры. Думаю, в любое время такое под силу далеко не каждому.

Добавьте к этому несомненный организаторский талант Грушина. Создать за тридцать лет три института по изучению общественного мнения в стране, где изучение этого мнения было невозможным по определению (в 1961 г. Грушин основал ИОМ (Институт общественного мнения), в 1969 г. — ЦИОМ (Центр изучения общественного мнения), в 1987 г. стал одним из создателей ВЦИОМ (Всесоюзного центра изучения общественного мнения).

Докторов пишет: «С момента рождения ИОМ «КП» прошло более полувека — достаточный срок для историко-научоведческой оценки этого события. В моём представлении, оно имело и будет иметь принципиально важное значение и как факт становления в СССР/России социологии, более широко — посттоталитарного обществоведения, и как уникальная политико-идеологическая инновация. Всё очень просто: до первых опросов Грушина в стране не изучали мнения, установки населения, а после них «процесс пошёл». Конечно, в начале 1960-х многого не было видно, но сейчас можно утверждать, что своими результатами Грушин начал рушить идеологему монолитности общественного мнения при социализме [Докторов, 2014: 61].

И далее: «В настоящее время данные ИОМ — бесценная информация для исторических исследований о советском времени и советском человеке. Для серьёзного аналитика, владеющего методологией изучения массового сознания, они — основа для глубинного, свободного от политико-идеологических пристрастий освещения относительно недавнего прошлого. Принципы подобного исто-

рико-социологического анализа разработаны Грушиным в его фундаментальном труде «Четыре жизни России» [Докторов, 2014: 61].

Говоря о научных качествах Грушина, Докторов отмечает: «Ещё одна черта отношения Грушина к своей работе: он всю жизнь накапливал и хранил информацию, вот его слова: «...я, вопреки семейным интересам (большой квартирой никогда не располагал), сохранил архивы всех своих исследований» [Докторов, 2014: 78].

Интересно, что в этом отношении Ядов был полной противоположностью Грушину. Докторов пишет, что в мае 2010 года он обратился к Ядову с вопросами о его архивах и сразу получил ответ: «...научного архива у меня практически нет, есть пара папок с личными бумагами и несколькими конспектами лекций. Самое ценное — запись ситуаций с разработкой диспозиционной концепции найти не смог, хотя и не очень старался» [Докторов, 2016: 9]. Сам же Ядов в письме к Докторову пишет: «Не перестаю удивляться тому, как бережно ты хранишь свои архивы. По той причине, что сам в этом отношении контр персонаж» [Докторов, 2016: 19].

Докторов интересно рассказывает о жизни Ядова на эстонском хуторе близ Раквере (город на полпути между Таллинном и Нарвой). Вот очень, на мой взгляд, показательный отрывок.

«Один эпизод из жизни Ядова на хуторе, рассказанный Юло Вооглайдом (эстонский социолог), одновременно покажет широкую известность Ядова в Эстонии и жизненность, естественность его поведения. Многие старались помочь Ядову жить на хуторе, но он стремился быть самостоятельным. Купил себе мопед и стал ездить за хлебом. Он пытался обогнать всех собак и смотрел через плечо на преследователей, поэтому не заметил камень на дороге. Результат: несколько переломов, гипс, все лето на костылях. Вот в таком виде он оказался в близлежащем городе Раквере на автовокзале, ждал автобуса, чтобы вернуться на хутор после врача. Там его заметила женщина, которая в студенческие годы слушала его лекции и стала звонить знакомым. «Представляешь, — говорила она, — что мы тут видели. В Раквере на автовокзале сидит бродяга, рядом шапка и костыли, а лицо — ну точно как у Ядова! Есть же на свете похожие люди!» [Докторов, 2016: 49].

Важно отметить еще один эпизод, характеризующий Ядова. «Интересную историю, относящуюся к началу директорства Ядова в Институте социологии, вспомнила на рубеже 2009—2010 гг. в нашем интервью доктор социологических наук Алла Евгеньевна Чирикова, на момент описываемой встречи с Ядовым — кандидат психологических наук, задумывавшийся о своей будущей работе. Далее слова А. Е. Чириковой.

Наш сектор работал достаточно обособленно от всех остальных сотрудников, но как-то к нам в комнату на 4 этаже пришел В. А. Ядов, который стал тогда директором Института социологии, сменив на этом посту В. Н. Иванова. Это было в конце 80-х. До этого я видела Ядова по телевизору и была поражена тому, как раскованно он вел себя перед телевизионными камерами, не считаясь ни с какими иерархиями. Я тогда с интересом отвечала на поставленные вопросы, наблюдая за его реакциями. В конце разговора диагноз его личности был готов: талантливый человек, необыкновенно тонкий и неуправляемый, сензитивный, всегда готовый

к непредсказуемым поворотам мысли и чувств. При этом достаточно рациональный, знающий себе цену и умеющий настоять на своем. Рациональность и эмоциональность в нем являли собой удивительный симбиоз. Передо мной тогда сидел человек, явно мало уважающий формальные позиции и умеющий мгновенно расположить к себе собеседника. Не исключено, что сегодня я бы уточнила свою оценку, но в принципиальном видении психологической структуры Ядова я тогда была права — это был уникальный человек, который не стремился к власти и признавал общение на равных. В те годы это было редким достоинством, тем более у начальника. Я была не против работать рядом с таким талантливым человеком, который, к тому же, не допекал меня дурацкими распоряжениями и ежедневными проверками дисциплины. Иначе говоря, позволял делать, что хочется. Будь тогда во главе института другой человек, я не знаю, как бы сложилась моя дальнейшая профессиональная судьба» [Докторов, 2016: 72].

В интервью 2005 г. с Докторовым сам Ядов так определяет свою идеологическую позицию: «Я определенно был марксистом и сегодня никоим образом этого не стыжусь, много пишу о полипарадигмальности современной социологической теории, причем Маркс занимает далеко не последнее место, он рядом с Вебером. Оба анализировали именно капиталистическое общество, оба пользовались понятием «класс». Однако Маркс и Энгельс придавали своей классовой теории идеологическое значение, видели в ней теоретическое основание грядущей мировой революции, а Вебер, напротив, утверждал ценностную нейтральность социолога. Маркс поляризировал труд и капитал. Вебер фокусировал внимание на множественности неравенств на рынке труда и капиталов, использовал понятие социального ресурса, что у Бурдьё преобразовалось в социальный капитал».

Далее Ядов говорит: «Маркс — величайший мыслитель. Он прописан во всех западных учебных пособиях по социологии. Одна идея об отчуждении личности наемного работника (пролетария) стоит ничуть не меньше концепции социального действия Вебера. Не надо забывать, что Маркс намеревался совместить свой эконом-детерминистский подход с культур-детерминистским. Он набросал план четвертого тома «Капитала», где использовал понятие «азиатский способ производства». Азиатский способ тем отличается от европейского, что государство доминирует в экономике, рынок регулируется, не свободен» [Докторов, 2016: 74].

А вот слова Докторова о Грушине: «Стремление Грушина к изучению чудом сохранившегося им архива и его установка на создание исследовательской технологии нового прочтения прошлого стали прямым продолжением его гражданского и профессионального осмысления цивилизационных изменений, начавшихся в России в годы перестройки. Он говорит о «кардинальной ломке социальной структуры», «коренной смене самой человеческой породы», «полном крушении существовавших в обществе до того модусов человеческого бытия». Суть происходящего видится им в «замене традиционно российской формы жизни» новыми формами, которые «в современном мире связываются с понятием евро-американской цивилизации». На смену рабу и холопу придёт свободная личность. Россия отойдёт не только от идеологии и практики коммунизма, но от русизма как такового. Произойдут коренные изменения в натуре российского народа, в его менталитете [Докторов, 2014: 84]. Таким образом, «четверокнижие» Грушина —

это не только итог его почти полувекового теоретико-эмпирического изучения менталитета россиян, но, одновременно, — программа и инструмент мониторинга массового сознания населения меняющейся России» [Докторов, 2014: 84].

Поясню, «четверокнижие» — большой труд, задуманный Б. А. Грушиным как «Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина» в 4-х книгах. Труд этот не окончен в связи со смертью автора. Когда Грушина спрашивали: «А вдруг Вы умрете, пока будете эту книгу писать», он отвечал: «А вы так и напишите: автор неожиданно помер». Так и случилось.

В этой связи любопытно отношение к собственной смерти и Ядова. Докторов пишет: «2 мая 2010 года Ядов сообщил мне, что обсуждал с Н. И. Лапиным и О. Н. Яницким перспективы издания 10-томного собрания сочинений А. Г. Здравомыслова, и эта история побудила его составить список своих работ. И далее он заметил относительно этого списка: «Решил отправить тебе на случай, когда сыграю в ящик» [Докторов, 2016: 8].

В конце своего очерка о Грушине Докторов ставит перед читателем загадку: «Пожалуй, уже в конце 1980-х, то есть в годы его в высшей степени активной и продуктивной работы по созданию ВЦИОМ, Б. А. Грушин начал испытывать глубокое разочарование по поводу изучения общественного мнения в СССР. Казалось бы, ему удалось реализовать давнюю мечту. Формируется система проведения регулярных опросов, появился канал информирования руководства страны о мнениях людей, открылись практически неограниченные возможности для ознакомления широких масс населения с тем, как общество видит и оценивает всё происходящее внутри и вокруг него. Но ни успокоения, ни, тем более, радости не было. Грушин, с его высочайшими требованиями к себе, к делу, которому он отдал три десятилетия, не мог согласиться с тем, как стала складываться в стране практика изучения общественного мнения. В интервью «Независимой газете» в 2001 году он даже заметил, что его недоверие опросам поссорило его с некоторыми его коллегами. Но при этом он считал: «Последние годы добавили аргументы в пользу моего утверждения. Состояние массового сознания сегодня абсолютно нестандартно. Это больное сознание большого общества, поэтому классический инструментарий, который у нас используется, просто непригоден» [Докторов, 2014: 84].

Грушин ввел в употребление термин «социотрясение» применительно к 90-м годам и, по-видимому, глубинный смысл этого явления был не до конца понят им самим. Но очевидно, что явление это что-то надломило в самом исследователе. Что именно, и почему поздний Грушин перестал воспринимать проводимые в то время исследования как легитимные — для меня лично загадка.

Заканчивает свою работу о Грушине Докторов следующими словами: «Есть два главных обстоятельства, при соблюдении которых сделанное Грушиным будет жить внутри социологии и в социально-политической культуре российского общества. Первое: если само российское социологическое сообщество осознает целостность своей истории и не допустит того, чтобы изучение наследия дореволюционных социологов, внимание к которому в последние годы наконец-то заметно выросло, велось в ущерб анализу работ социологов 1920—1930-х годов и осмыслению сделанного социологами, стоявшими у истоков постхрущёвской советской/рос-

сийской социологии. Второе: если развитие российского общества будет сопровождаться усилением роли демократических институтов и укреплением позиций общественного мнения в решении актуальных проблем социального развития.

Если так будет, то имя Грушина окажется навсегда вписанным в социологию России и в политическую культуру страны XX столетия» [Докторов, 2014: 93].

Приведу отрывок из заключения Докторова о Ядове:

«На наших глазах, в течение нескольких последних лет ушла значительная часть людей, стоявших у истоков современной российской социологии. Мы — как научное сообщество — осиротели. Неужели и уход Ядова не заставит нас задуматься о том, что изучение нашего прошлого — неотложная задача, стоящая перед всеми нами? Или мы добровольно отказываемся от него?» [Докторов, 2014: 106].

Уверен, что этого не случится. Иначе беспамятство прошлого лишит нас будущего.

В заключение, хотелось бы привести несколько личных воспоминаний, хотя это не принято в рецензиях.

Я работал с Борисом Андреевичем Грушиным во ВЦИОМе с 1988-го по 1989 год. В этой связи не могу удержаться от нескольких личных впечатлений. Конечно, главной во ВЦИОМе была Татьяна Ивановна Заславская. Ее кабинет был справа в приемной, где сидела секретарь — референт Лиза Дюк. Кабинет Грушина был слева. И если справа всё всегда было тихо и чинно, то слева — наоборот.

Надо сказать, что Заславская всегда была образцом спокойствия, вежливости и такта. Я помню лишь несколько случаев, когда она явно выражала неудовольствие, и всякий раз это было очень корректно и сдержанно. Но, возможно, именно в силу некоторой отстраненности и внешней холодности, лично мною она сама воспринималась прохладно и несколько со стороны. На горных вершинах всегда лежит снег.

Другое дело — Борис Андреевич. Даже сам постоянно взъерошенный и несколько сумасшедший вид Грушина, его живой и острый взгляд уже заставляли напрягаться. Добавьте к этому взрывной характер и нежелание сдерживать могучий темперамент, и вы будете иметь представление о стиле поведения заместителя директора ВЦИОМ. Часто из кабинета слева раздавались громы и раскаты грушинского голоса. Всем было ясно, что опять кто-то что-то сделал не так.

Но странное дело, никто на Бориса Андреевича не обижался, и я скоро понял почему. Он никогда не кричал на человека. Он кричал на плохо сделанное дело (с несделанным к нему вообще никто сунуться не смел). Он негодовал на научную и чисто человеческую глупость, нерасторопность, лень, неумелость, нежелание и нехотение. Он искренне и всей душой болел за дело. Он невероятно остро жаждал, чтобы оно было сделано хорошо и добросовестно. И после «разноса» мог тут же ласково и участливо сказать собеседнику: «Понятно? Ну и хорошо, давайте так и поправим. Надо же это поправить».

Как-то я шел к Заславской и, услышав уже на подходе «грохотание» слева, зашел посмотреть, что случилось. А случилось то, что Грушину на утверждение принесли стопку «Вестника ВЦИОМ»- были тогда такие брошюры с результатами наших опросов. Сами книжечки были черно-белыми, и это вдруг вызвало страшное негодование Грушина. Он носился вокруг своего стола и кричал:

«Я сколько раз повторял, не может общественное мнение быть черно-белым. Не может! Оно по определению должно быть разноцветным, разнообразным, понимаете Вы это?! Черно-белое мнение — невозможно!!! Это немислимо!!!»

И далее в том же духе. Никаких робких возражений, что цветная брошюра слишком дорога для издания, он слушать не желал, и долго еще в кабинете Татьяны Ивановны были слышны раскаты его голоса. Кстати, не помню случая, чтобы сама Заславская с Грушиным спорила, разве что вне стен ВЦИОМа.

Несмотря на такие, с моей точки зрения, странные порывы, Грушин у всех вызывал очень теплую реакцию и чисто человеческую приязнь. Все понимали, что он болеет за дело и ни на кого зла не держит. Он всегда был неизмеримо далек от любых склок, интриг, сплетен. Оттого его искренно любили и уход из ВЦИОМа переживали тяжело.

Таким лично я запомнил Бориса Андреевича Грушина и всегда был благодарен судьбе за общение с ним.

Когда-то сэр Уинстон Черчилль сказал: «Нет ничего опасней, чем жить в горячечной атмосфере опросов общественного мнения, постоянно чувствуя свой пульс, постоянно меряя себе температуру».

Может оно и так. Но хотеть понять суть общества, в котором живешь, его природу, душу, его живые движения, устремления, грехи и добродетели, его прошлое, настоящее и грядущее — это желание нужное и благородное. Этого всю жизнь хотели Борис Андреевич Грушин и Владимир Александрович Ядов.

Спасибо им за это!

Список литературы (References)

Докторов Б. З. Все мы вышли из «Грушинской шинели». К 85-летию со дня рождения Б. А. Грушина. М. : Радуга, 2014. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370> (дата обращения: 01.12.2016) [Doktorov B. Z. (2014) We all come from «Grushin's overcoat». On the 85th anniversary of B. A. Grushin. Moscow: Raduga. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=370> (accessed 01.12.2016)] (In Rus.).

Докторов Б. З. Мир Владимира Ядова. В. А. Ядов о себе и его друзья о нём. М. : ВЦИОМ, 2016. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451> (дата обращения: 01.12.2016) [Doktorov B. Z. (2016) Mir Vladimira Yadova. V. A. Yadov o sebe i ego druz'ya o nem [World of Vladimir Yadov. Yadov about himself and his friends about him]. Moscow: VCIOM. URL: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=451> (accessed 01.12.2016)] (In Rus.).

Человек и его работа (социологическое исследование) / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М. : Мысль, 1967 [Zdravomyslov A. G., Rozhin V. P., Yadov V. A., ed. (1967). Chelovek i ego rabota (sotsiologicheskoe issledovanie) [Man and His Work (Sociological research)]. Moscow, «Mysl'»] (In Rus.).

Ядов В. А. Социологическое исследование. Методология. Программа. Методы. М. : Наука, 1972 [Yadov V. A. (1972) Sotsiologicheskoe issledovanie. Metodologiya. Programma. Metody [The Sociological Survey (Methodology, Program, Methods)]. Moscow] (In Rus.).

Грушин Б. А. Горький вкус невостробованности / под ред. Г. С. Батыгина // Российская социология шестидесятих годов. М. : Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1999. [Grushin B. A. (1999) Gor'kii vkus nevostrebovannosti [A bitter taste of the unclaim]. In: G. S. Batygin (ed.) Rossiiskaya sotsiologiya shestidesyatykh godov [Russian sociology of the 1960s]. M.: Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo instituta] (In Rus.).